

И.В. Бабич (Москва)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НА ВОЙНЕ: СЛУЖБА НАРВСКИХ ВЕТЕРАНОВ В КООРДИНАТНОЙ СЕТКЕ ОФИЦЕРСКИХ СКАЗОК 1716–1722 ГОДОВ

ВОПРОС, почему выжил тот, а не другой участник боевых действий – метафизический, и рационального ответа на него нет. Это не исключает интереса к тому, какими чертами обладали вернувшиеся. Преломление этого вопроса в реалиях Северной войны автору всегда казалось наиболее интересным в связи со сражением под Нарвой в 1700 г. Тогда в соответствии с диалектическим взглядом Петра I, выраженным в «Истории Свейской войны», «несчастье (или лучше сказать великое щастие) получили», ибо «неволя леность отогнала», а «трудолюбие и искусство» привели к победе¹. Выявление общих черт тех, для кого тяжелое поражение оказалось горьким, но не роковым уроком, началом долгого и, в конечном счете, успешного военного пути, представлялось самостоятельной исследовательской задачей.

Осуществление такой попытки стало возможным благодаря публикации массива сказок офицеров полевой армии из коллекции РГВИА². Первый опыт в этом направлении не удалось реализовать ввиду сложности определения самого объекта анализа: «Нарвский поход» и «пребывание под Нарвой» включались в формуляры и участниками сражения, и не успевшими к ним присоединиться служащими из состава «генеральства» А.И. Репнина.

В настоящий момент источниковая база расширилась за счет новой публикации – комплекса офицерских сказок гарнизонных войск³. Это обстоятельство не способствовало разрешению возникшей проблемы, но расширило круг потенциально значимых данных (многие служащие гарнизонов также начинали бое-

вой путь у стен Нарвы) и дало новый импульс обращения к ней. Сказки гарнизонных служащих составлялись в 1716–1722 гг. неоднократно, на основе разных критериев учета – от ограничения лишь чинопроизводством до сведений об участии в «баталиях» и, в отдельных случаях, о возрасте. Отличия в формуляре не исключают использования и полевых, и гарнизонных сказок, как единого комплекса материалов.

Исследование социального происхождения и имущественного положения офицерского корпуса в конце Северной войны на основе архивного собрания сказок офицеров полевой армии было выполнено в 1973 г. М.Д. Рабиновичем⁴ и стало классикой. Военно-антропологические аспекты интерпретации этого источника лишь недавно начали привлекать внимание. Быть может, выделение «нарвской» группы сказок позволит рельефно представить роль «урока» поражения в той школе, куда в качестве учеников определил своих подданных великий наставник. Однако говорить о специфике лично получивших нарвский «урок» имеет смысл лишь в сравнении с теми, кто волею случая был от него освобожден. Такую возможность дает сопоставление с чинами из группы войск А.И. Репнина, все остальные параметры службы которых вполне совпадают с теми, кто не «опоздал к звонку».

В рамках статьи сделана попытка рассмотреть факторы «живучести» в сказках начавших свою службу под Нарвой и проводивших на войне самую длинную часть сознательной жизни. Податели сказок, своего рода автобиографий, под присягой воссоздавали основные вехи своей службы. Наряду с происхождением, карьерным ростом и наградами, о которых их спрашивали, они иногда по собственной инициативе упоминали неотмеченные боевые отличия, без вины утраченные чины, невыплаченное жалованье, несправедливо завладевших имуществом соседей. Слово «счастье», можно сказать, не произносилось всуе, его респонденты лишь изредка относили к Государю, которому от Бога дарована победа, реже к общему делу – какой-либо «счастливой баталии» – и никогда к себе лично. В исторической же ретроспективе все они были «счастливыми». Общим признаком успешности каждого, «сказавшего» о себе, является факт принадлежности к живым в день записи его слов.

Однако сама идентификация «нарвской» группы сказок представляет определенную сложность. При наличии (среди гар-

низонных сказок) двух (иногда трех)⁵ разновременных версий пространная – корректирует краткую. Так, в «краткой редакции» сказки капитана В.Я. Хотяинцева началом службы отмечен 1703 г. В «пространной» же – значится: «...служит Царскому Величеству с 700 году, и во оном 700 году был из житья в первом походе под Нарвою. А в 702 году ...написан из житья в капитаны. И в 703-м году послан из Москвы под Ямбург...» В первой сказке учтена только «регулярная» служба, а во второй – и та, что проходила на еще не реформированных организационных началах. Подобная разница выстраивания нарратива встречается не единожды. Приходится допустить, что какое-то количество участников несчастливого сражения под Нарвой, в офицерском чине встретивших конец войны, выпадает из поля зрения в силу своеобразно понятых требований учета стажа.

Опрашиваемые стремились подчеркнуть участие в любой акции, выходящей из ряда военных будней, помнили не только бои, а доставку ими писем, участие в провожании послов, переправы через водные преграды и т. д. Но все это оказывалось возможным сохранить для истории, если их готовы были слушать. Такая готовность в силу разных задач переписей и субъективного понимания этих задач обнаруживалась не всегда. В сказках, ограниченных сведениями чинопроизводства, сражения практически не упоминались. Возникла дилемма – учитывать ли в качестве «бывших в акции» тех, кто служил в указанное время в явившихся под стенами крепости полках, но о своем пребывании под Нарвой не упомянул. Текст подробных сказок свидетельствует подчас о том, что причисленные к одному и тому же полку в одно и то же время могли находиться в совсем разных местах⁶. Надо принять во внимание и изъяны памяти. Так, подпоручик Белозерского (Лутковского) полка Х. Баслаков в сказке 1718 г. про Нарву забыл. Не сохранись поздняя (1719) и более подробная сказка, он не рассматривался бы среди нарвских ветеранов⁷. В процессе работы было принято, возможно, не бесспорное решение – рассматривать лишь сказки с упоминаниями и нарвской «акции», и службы в частях (или соединениях под началом известных высших командиров), которые «дошли».

Из рассмотренных сказок⁸ 1284 лиц, пребывавших в 1700 г. на службе, 788 принадлежат респондентам, которые у стен Нарвы были, 139 – совершавшим Нарвский поход в генеральстве

А.И. Репнина и «недошедшим» до места сражения, 357 – тем, кто в 1700 г. в составе вооруженных сил охранял рубежи, находился во внутренних гарнизонах и выполнял иные функции, не связанные непосредственно с театром военных действий.

Сравнение содержания «дошедших» и «недошедших» с самого начала обнаружило, что сказки нарвских ветеранов не выделяются в общем ряду никакими субъективными особенностями. Количественное соотношение наличных сказок с общей численностью той группы войск, к которой подавшие их офицеры принадлежали, показало следующее. Участники нарвской акции, завершавшие войну в офицерском чине, составляют около 2,2 % от общего числа российских войск у Нарвы (около 36 000⁹). Сказки «недошедших» – 1,5 % от общей численности их команды (в 9247 чел.¹⁰). То есть пропорционально число доживших до конца войны офицерских чинов в группе, не успевшей принять участия в осаде и сражении, было едва ли не меньшим, чем у тех, кто эти испытания прошел.

Эти цифры не лишены интереса, но объем выборки едва ли репрезентативен для положительных заключений. Значимы ли в данном случае факторы естественного отбора, урок «нещастия», о котором говорится в «Истории Свейской войны», или психологический эффект, зафиксированный в опытах биологов? Спасенные по сценарию экспериментаторов в бедственной ситуации животные обнаруживают замечательную жизнеспособность при последующем воспроизведении экстремальных обстоятельств. Наши возможности в поисках ответа ограничены параметрами, заданными источником: данными о выслуге (соотношении чинов на момент Нарвского «похода» и на момент подачи сказки), о социальном происхождении (в большинстве случаев), об имущественном положении (у служащих полевой армии).

Что касается социального происхождения, то среди 788 сказок офицеров-участников акции, согласно типологии М.Д. Рабиновича, можно выделить выходцев из дворян (452 чел., или 57,4 %), из военных служилых людей «старых служб» (78 чел., или 9,9 %), из податного населения (190 чел., или 24,1 %), из иноземцев (50 чел., или 6,3 %) и тех, чье происхождение не указано в сказке и неясно из ее содержания (18 чел., или 2,3 %).

Среди 139 «недошедших» 38,8 % (54 чел.) принадлежали к привилегированному слою, 36,7 % (51 чел.) – к податным, 15,1 %

(21 чел.) – к военным служилым людям «старых служб», около 5,7 % (8 чел.) – к иноземцам и 3,6 % (5 чел.) – неизвестного статуса. Более низкий здесь процент офицеров из дворян связан с тем, что комплектование шло в Поволжье с широким привлечением «вольницы», городского населения. При некомплекте унтер-офицерского состава практически сразу было осуществлено производство из рядовых. Впоследствии это стало предпосылкой для ряда успешных карьер. Доля унтер-офицеров по состоянию на 1700 г. составляет около четверти общего числа поданных «недошедшими» сказок. Это ощутимо больше, чем среди участников сражения под Нарвой.

Нарвские ветераны в 1700 г. в массе своей – 38 % (299 чел.) – состояли в солдатах и драгунах. Следующей по численности категорией участников баталии, провоевавших около 20 лет, были те, кто в 1700 г. числился вне «регулярства» – 27,4 % (216 чел.). Только 1,1 % (9 чел.) доживших до конца войны уже в ее начале имели штаб-офицерский чин, 15,1 % (119 чел.) – обер-офицерский, 15,6 % (123 чел.) – унтер-офицерский, 2,8 % (22 чел.) были в чинах унтер-штаба.

Сравнивая «дошедших» и «недошедших» по выслуге, получаем, что в итоге полковниками в «нарвской» группе стали 37 чел. (4,7 %), подполковниками – 52 чел. (6,6 %), премьер-майорами – 36 чел. (4,6 %), секунд-майорами – 25 чел. (3,2 %), капитанами – 182 чел. (23,1 %), капитан-поручиками – 4 чел. (0,5 %), поручиками – 172 чел. (21,8 %), подпоручиками – 79 чел. (10 %), прапорщиками – 89 чел. (11,3 %), чинами унтер-штаба – 112 чел. (14,2 %). Из «недошедших» до Нарвы к концу войны вышли 8 (5,8 %) полковников, 7 (5 %) подполковников, 10 (7,2 %) премьер-майоров, 8 (5,8 %) секунд-майоров, 30 (21,6 %) капитанов, 2 (1,4 %) капитан-поручика, 24 (17,3 %) поручика, 21 (15,1 %) подпоручик, 17 (12,2 %) прапорщиков, 12 (8,6 %) чинов унтер-штаба.

При близости структуры обеих групп можно отметить незначительно больший удельный вес штаб-офицерских чинов среди тех, кто начинал службу в генеральстве А.И. Репнина. Возможно это объясняется отсутствием потерь в «нарвский» период среди поручиков и капитанов данной группы войск, которые к концу войны дослужились до майоров, подполковников и полковников.

«Производство», означая повышение социального статуса, позволяет говорить о том, что сегодня называют социальным лифтом. Насколько же открытым и быстрым он был? Сказки лишь иногда фиксируют неординарные продвижения¹¹, еще реже раскрывая происхождение «отличия». Среди такого рода примеров – традиционное «пожалование» в чины гонцов с дипломатическими депешами высшего уровня¹² и награждение за выдающиеся подвиги. Например, в 1718 г. М.М. Федотев захватил «божиею милостию и счастием царского Величества» неприятельский бот с командой 18 чел., освободил 10 плененных русских купеческих карбусов с товарами и возвратил их «без повреждения» людей. Победитель был произведен из подпоручиков в «полные капитаны». Награждалась и стойкость. В.М. Антонов был послан к мятежникам в Астрахань с «милостивыми письмами». Там его приговорили к смерти, многократно выводили «в круг», опускали в воду. Он уцелел, принял участие в штурме города правительственными войсками и был произведен из прапорщиков в поручики¹³. Драгун П.К. Алексеев получил чин вахмистра за бой, где был ранен «в четырех местах, ... нос и губа верхняя и зубы отрублены, щека левая сквозь порублена, голова разрублена, рука левая повыше локтя поколота».

Подобные исключительные случаи не влияют на выраженные подъемы и падения интенсивности чинопроизводства на всех уровнях. Наибольшей активностью оно отличается в 1706–1711 гг., когда повышения происходили с минимальным интервалом, до двух, трех лет подряд или даже дважды за год (у 22 чел.).

Сказки участников Нарвского сражения, дослужившихся в полевых частях¹⁴ до полковников, отразили в 1700–1706 гг. 25 повышений в чине, в 1706–1711 гг. – 45, в 1712–1717 гг. – 8. Сходное соотношение производств обнаруживают сказки подполковников (в 1700–1705 гг. – 31, 1706–1711 гг. – 50, 1712–1717 гг. – 9) и майоров (в 1700–1705 гг. – 42, 1706–1711 гг. – 59, 1712–1717 гг. – 25). Еще более выражена эта динамика среди капитанов (в 1700–1705 гг. – 103, 1706–1711 гг. – 276, 1712–1717 гг. – 87), поручиков (в 1700–1705 гг. – 46, 1706–1711 гг. – 244, 1712–1716 гг. – 63), подпоручиков (в 1700–1705 гг. – 14, 1706–1711 гг. – 102, 1712–1717 гг. – 32) и прапорщиков (в 1700–1705 гг. – 13, 1706–1711 гг. – 67, 1712–1717 гг. – 40).

Вполне проявляется в группе побывавших у Нарвы и отмеченная М.Д. Рабиновичем зависимость успешности выслуги от сословной принадлежности. Сказки представляют 15 капитанов (8,2 % от общего числа участников акции, имевших к концу войны этот чин), 1 капитана-поручика (из 4), 47 поручиков (27,3 %), 46 подпоручиков (58,2 %), 35 (39,2 %) прапорщиков. Вместе с тем периоды роста и снижения активности перемещения по ступенькам чиновной лестницы для этой категории такие же, как и у всех остальных служащих – выходцев из числа «благородных», военных служилых людей (прежних служб), иностранцев.

Пик интенсивности чинопроизводства совпадает с периодом крупнейших сражений. По-видимому, объем потребности восполнения офицерских потерь требовал мобилизации сил разных сословных групп, но определяющим являлся именно масштаб насущных задач. В этом же русле может интерпретироваться более демократичный по происхождению состав офицерского контингента в генеральстве А.И. Репнина. Как уже упоминалось, начинавшие здесь службу реализовали (судя по итогам войны) более выгодную стартовую позицию, полученную за счет сравнительно массового производства в унтер-офицерские чины в самом начале кампании.

Сходным образом, кажется, можно истолковать и известное пренебрежение командования преимуществами, которые даются боевым опытом и самой продолжительностью службы. В сказках 357 чел., не отправленных к месту, где готовились к столкновению с противником, эти показатели (в полевых частях наличие «нерегулярного» боевого опыта отмечено в 26 % сказок, стажа – в 10,5 %) существенно выше, чем у тех, кого туда послали после краткого курса солдатской «науки» (соответственно, 16,2 % и 4,6 %). Выполнение задачи текущего момента подручными – в местах массового набора в «регулярство» – средствами представлялось более адекватным, чем вызов подготовленных кадров. В том же ряду – повсеместно встречающиеся переводы из кавалерии в пехоту и наоборот, из разных родов войск на флот, в каптенармусы «за умножением сержантов», а также и отсутствие каких-либо преимуществ для учившихся за границей¹⁵.

Возможно, тактические установки перевешивали стратегические расчеты или ограниченность времени не оставляла возможности перспективного планирования. Капитан С.В. Латы-

шев вспоминал, что выпущенный в 700 г. из учения «ни в который полк не написан,... остался в улишних со многими своими братьею, и был на Москве до 702 года», а капитан С.С. Бордуков, к началу шведской кампании уже имевший опыт трех экспедиций против турок, был «написан в прапорщики в драгунские полки, и оные полки посланы в службу, а мы оставлены на плац-ваканции и отосланы в Разряд. А из Разряда посланы на Таган Рог к жилым солдатским полкам ...в 702-м году». По завершении нарвской «акции» служившие в выборной роте вместе П.Ф. Косецким новгородские дворяне были «отпущены по указу...в дома свои»¹⁶.

В то же время вся совокупность норм сословного государства в определенной степени адаптировала новую практику к существующей иерархии. Нарвские ветераны «неблагородного» происхождения не поднялись за время войны выше капитана. Из общего числа в 190 выходцев из податного состояния 144 получили обер-офицерские должности и 46 состояли в унтер-штабе.

Унтер-штаб в это время не был тупиковой веткой на чиновном древе, являясь одной из ступенек выслуги многих офицеров. В то же время это было своего рода прибежище для тех, кто служил беспорочно и долго, знал все тонкости организации полкового быта, но к командным должностям не считался годным. И если из числа «благородных» по происхождению нарвских ветеранов в должностях этого рода к концу войны состояло около 10 %, то из «простых» едва ли не каждый четвертый. Самой «дворянской» была не связанная ни с «грязными» занятиями, ни с бумагами должность квартирмейстера (20 чел.), далее по убывающей – адъютанты и обозные, провиантмейстеры и писари, профосы, аудиторы и фискалы. Среди бывших «простых» наиболее распространены были обозные, затем шли квартирмейстеры, профосы, полковые адъютанты, фискалы, писари и аудиторы. Должности трех последних категорий часто занимали бывшие монастырские слуги. В целом же функции обеспечения чаще считались подходящими выходцам из податного состояния, чем «благородным».

Из 35 прапорщиков «неблагородного» допризывного статуса производство в унтер-офицерский чин приходится у одного на первый год службы, у другого – на третий, остальным пришлось ждать его от 4 до 10 лет. Интервал же между унтер- и обер-офи-

церскими чинами составлял от нескольких месяцев в 1706–1711 г. до 10 лет в остальное время, вплоть до следующего «пика» производств, который приходится на 1719 г. (пока трудно сказать, в результате ли уже начавшихся отставок или в преддверии принятия в 1720 г. первого после 1711 г. нового «штата»).

Сопоставляя сведения о тех, кто перешагнул знаковую для сословного общества «офицерскую» черту (35 чел.), и прапорщиках из дворян (30 чел.), видим, что их абсолютное число выше незначительно. Зато в процентном отношении прапорщики составляли около 6,6 % от общего числа рассматриваемых здесь офицеров, вышедших из дворян. У тех, кто выслужился из низов, чин прапорщика стал высшим достижением для 18,4 %. Разброс минимальных и максимальных сроков ожидания чина в обеих группах одинаков. Совпадают и пики производств в прапорщики, приходящиеся на период после «турецкой акции» (и штатов 1711 г.) и на канун окончания войны.

Поручики (47 чел.) и подпоручики (46 чел.) – самая многочисленная группа офицеров среди нарвских ветеранов из непривилегированных сословий. При всем разнообразии конкретного склада отразившихся в сказках судеб есть и сближающее их свойство. Речь идет о заметной доле людей, пошедших в солдаты «волею», что отмечено в сказках без комментариев о мотивах. Могли иметь место и мечта о личной свободе, и стремление приложить бившие через край силы и удаль, и просто желание переменить судьбу.

Однажды Екатерина II призналась, что если бы она родилась мужчиной и частным человеком, то «отважилась бы на все для славы и в чине поручика в первую кампанию не снесла бы головы»¹⁷. Обеспечивала «охота» нарвских ветеранов к участию в войне их успех на этом поприще или пополняла число тех, кто «не снес головы»? Сказки оставляют этот вопрос открытым. Зафиксированные ими сведения о ранениях не могут прояснить его, так как самые тяжелые ранения приводили к отставкам, а отмеченные свидетельствуют лишь о прочности организма тех, кому удалось выздороветь. И все же то обстоятельство, что из числа раненых примерно треть были ранены дважды, некоторые трижды и четырежды, обращает на себя внимание, намекая не только на волю случая, но и на склад характера, готовность «лезть» вперед.

Характер проявлялся не только в описании – с явным удовольствием – случаев из боевого прошлого, в которых «с поля сбили», «не перепустили», «разорили и пожгли без остатку», «посад взяли и засели в нем». Выходец из людей боярских А.Н. Давыдов в первый же год службы был произведен в сержанты, пережил три ранения и дослужился до подпоручика (1708). Пробыв в этом статусе менее года, был разжалован за штраф в солдаты, но через семь лет, в течение которых снова был ранен, вернул себе обер-офицерский, хотя и прапорщичий, чин¹⁸.

Проявлялся характер и в отношении к собственной участи. Сказки неоднократно отмечают, что повышение в чине произошло, потому что респондент «бил челом»¹⁹ перед высшим начальством. «Недошедший» до Нарвы уроженец Нижегородской губернии, помещичий «человек» И.Я. Блохин сразу же «по разбору и по смотру» А.И. Репнина был произведен в сержанты. В 1706 г. сержантом же попал в плен, где провел 5 лет. В Петербурге явился на «Васильеве острове у его светлости князь Александра Даниловича Меншикова, и в то время на Васильеве острове Царское величество и светлейший князь изволили смотреть всех нас, ... которые привезены из полону... По указу Его Царского Величества и по приказу князя светлейшего» определен «в ... Баишевский полк в прапорщики... А как тех солдат со всех разных работ из Петербурга велено сменить и отпустить в Новгород для ученья солдатского артикула, и я, раб не похотел в том полку быть, просил у господина генерал-лейтенанта Романа Вилимовича Брюса во Архангелогородский полк на порожнее место подпоручиково из прапорщиков в подпоручики. И... пожалован»²⁰. То обстоятельство, что самое производство в прапорщики было наградой за «полонное терпение» и состоялось по лично выраженной высочайшей воле, не смутило опытного вояку, и, осмотревшись в новом городе и присмотрев себе место по душе, он нашел средства на это желанное место определиться. Яркая картина, нарисованная И.Я. Блохиным, оставляет за кадром тех скромных обер-офицеров одного с ним набора А.И. Репнина, которые в это время собрались в Архангелогородском полку. Кто из этих восьми (1 капитан, 4 поручика, 1 подпоручик, 2 прапорщика) человек сообщил о «порожном» месте и посоветовал, к кому обратиться за «ордером», останется неясным. Однако налицо один из вариантов официально не признанной, но реальной и достаточно эффективной

стратегии приспособления «маленького человека» к глобальным сдвигам эпохи великих перемен.

Другим ресурсом взаимной поддержки – равно дворян и не дворян – была служба родных братьев. При одновременном призыве это условие выполнялось сразу, возможно считаясь само собой разумеющимся. Но и младших братьев, вступавших в службу позднее, можно встретить в одном полку со старшими²¹. О доказываемых такими назначениями связях с семьей говорят и встречающиеся упоминания о факте, а иногда и о дате смерти отца, матери²².

В сказках они приводятся в контексте данных о наличии имения (у дворян). Но другая научная публикация – перехваченных шведами писем русских солдат под Нарвой – свидетельствует о возможности контактов с домом. В письмах есть просьбы, сформулированные с уверенностью в возможности адресата оказать помощь: «Да пожалуй, матушка, пришли шубу да сапоги». Есть просьбы, подкрепленные отправкой денег: «Пожалуй, батюшко, купить нам харчу снетков, да заспы, да толкна по чему-нибудь, да будет, добудешь сухарей... А денег мы к тебе послали з братой... Да пожалуй, батюшко, купи мне сапоги жилецкие попространней... Да пришли, пожалуй, рубашку да портки, да шубу». А есть распоряжения, как достать денег на нужные вещи: «И будет отец двор продаст, и ты у отца возми за пострунку мою денег полтора рубли. И, взявши половину, ко мне пришли, а сама где ни есть до меня проживи. Да пришли ко мне рубашку да портки»²³.

Все процитированные письма адресованы в слободу Печерского монастыря, т. е. местность, относительно близкую к театру военных действий. Но в опубликованной недавно духовной, составленной в 1713 г. жителем Москвы капитаном М. Бужениновым, упоминается «ружейко», которое было послано к нему «в армию»²⁴. Это позволяет предположить, что более состоятельные служащие могли и на весьма отдаленном расстоянии получать материальную поддержку родных через надежных людей.

Наличие собственных средств, как неодушевленных, так и одушевленных, было значимо и при необходимости ухода во время болезни или ранения. О состоящем при нем «человеке» упоминает в своем завещании один из участников Нарвского сражения,

капитан П.И. Сверчков²⁵. Воспоминания видного государственного деятеля XIX в. А.С. Норова показывают, как существенна могла быть роль таких «людей» для раненого еще и в 1812 г.²⁶

Общеизвестно, что погибшие и раненые вплоть до начала XX в. составляли незначительную часть военных потерь сравнительно с умершими от болезней. В «сказках» нередко упоминаются имена тех, чье место занимали в тот или иной момент карьеры их податели²⁷, примерно в равных долях относя ушедших товарищей к «убитым» и к «умершим». Однако корреляция динамики производств и крупнейших сражений свидетельствует о том, что структура потерь в офицерском корпусе не совпадала с общеармейской. Возможности теплее одеться, лучше обуться в конкретных климатических условиях могли быть тождественны выживанию. В упомянутом уже завещании капитана П.И. Сверчкова среди его имущества по прибытии из армии означены две лошади, седло, пара пистолетов, «торелки», двухведерные котлы и «котлик», шуба, «постеля», кафтан, камзол, штаны, шляпа и шпага²⁸. В этом перечне и вещи, обеспечивающее лучшее качество жизни (шуба, посуда и др.), и то (лошади, шпага, пистолеты), от чего зависела сама жизнь.

При этом сами привилегированные респонденты постоянно акцентировали именно свою «безотлучную» службу, из-за которой дома не были много лет. Чаще всего такими декларациями пояснялась неосведомленность об имущественном положении. На вопрос об имении многие отговаривались неведением или тем, что имение за ними, ввиду отсутствия, «не справлено». Одни ограничивались упоминанием о том, что за ними никаких крестьянских дворов либо вообще поместий нет, а другие уточняли, что за ними нет, но есть за отцом, братом, матерью. Первые, формально не нарушая присяги, подчеркивали полное отсутствие средств, вторые – принадлежность (с разными оттенками позитива / негатива) к социальной группе более обеспеченной, чем та, в которую они лично входят в данный момент.

Среди 189 нарвских ветеранов, состоявших к 1720 г. офицерами в драгунских полевых частях, наличие собственности за собой признали 144 чел. (или 76,2 %), за родственниками – 29 чел. (14,73 %). Применительно к оставшимся 16 лицам, надо учесть очевидные негативные эмоции после «новосостоятельного» за-

кона о единонаследии, которые могли побудить кого-то «в сердцах» отказаться упомянуть брата, ставшего наследником в ущерб респонденту. Кроме того, трое из «лишенцев» получали иноземческий оклад, призванный компенсировать отсутствие «имения». В 346 сказках «нарвских» полевых пехотинцев общее соотношение «обеспеченных» и «необеспеченных» было прямо обратным: 24,4 % респондентов признали наличие собственности за собой, 6,6 % – за родственниками, а 69 % подчеркнули ее отсутствие.

По-видимому, возможность в «подпитке» (деньгами или «натурой») из дома сознавалась властью и при распределении по родам войск, и при офицерских производствах. Существовая на практике, это положение вещей не артикулировалось, вытесняясь подчеркиванием значимости лишь принадлежности к армейской общности и «своей братии», равным по чину.

Имена тех, чье место заступали респонденты в своем новом ранге, вспоминались ими чаще всего после имен начальников, но в отличие от последних назывались они вне требований формуляра, по собственной инициативе, в известном смысле сублимируя представления о наследовании в военной системе координат. Сведение жизни к «безотлучной» службе, акцент на равенстве всех слуг государя, добровольно и постоянно воспроизводимые в ответах его «учеников», на первый взгляд, свидетельствуют только о действенности официальной идеологии.

Идеология не была лишь риторикой. Брак бывшего слуги суздальского монастыря с вдовой князя Кропоткина, о котором «сказал» И.С. Закрюковский (и это единственное персональное упоминание жены), вероятно, был заключен по большой любви, но возможность его заключения в немалой степени происходила из того, что руку княгине предлагал уже поручик. Усвоение новых стандартов являлось механизмом социальной адаптации, успеха и в конечном счете обретения более высокого положения в обществе. Материальные факторы – обеспеченность, поддержка родных – играли существенную роль с точки зрения военного долголетия, выживаемости, равнение на новые образцы становилось необходимо для полноценной жизни.

¹ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова, под общ. ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 209.

² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сб. документов: в 2 т. / Сост., вступ. ст., оформление К.В. Татарникова. М., 2015. Далее: Полевая армия.

³ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска: Сб. документов: в 2 т. / Сост., вступ. ст., оформление К.В. Татарникова. М., 2016. Далее: Гарнизонные войска. Публикуются сказки офицеров Рижского, Динаментшанского и Перновского гарнизонов 1716 г., составленные по указу из Сената, Петербургского, Шлиссельбургского, острова Котлин, Нарвского, Выборского и Нейшлотского, Ревельского гарнизонов, представленные по приказу князя А.Д. Меншикова в 1718–1719 гг., а также сказки служащих в гарнизонах – уже названных и внутренних, поданные на «смотре» Военной коллегии в 1719 – первой половине 1722 гг.

⁴ Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 133–131.

⁵ Если сказка была составлена после производства в следующий чин, учитывался в общем подсчете последний по времени.

⁶ Например, подполковник А. Борисов с 1698 по 1719 гг. служил в отличившемся в сражении Семеновском полку, но под Нарвой не был (Гарнизонные войска. С. 1200–1201), то же относится и к прапорщику И.И. Мокринскому (Полевая армия. С. 2019).

⁷ Гарнизонные войска. С. 143; 401.

⁸ Совсем не учитывались сказки тех, кто оказался в армии в 1700 г., но после Нарвского сражения (Полевая армия. С. 1905, 1916 и др.), чья сказка не дает возможности разграничить «первый» и «второй» Нарвский походы (Полевая армия. С. 722; Гарнизонные войска. С. 1450), сказки отсутствующих (Полевая армия. С. 86, 396, 2283 и др.) в момент учетной кампании, так как они ограничены сведениями о дате поступления в службу и в полк, сказки, ограниченные сведениями о чинопроизводстве.

⁹ Великанов В.С. К вопросу о состоянии русской армии после нарвского поражения (зима 1700–1701 годов) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международн. науч.-практ. конференции 18–21 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. II. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Полевая армия. С. 1463, 1605, 2365, 2367; Гарнизонные войска. С. 972.

¹² Полевая армия. С. 2325.

¹³ Там же. С. 2005.

¹⁴ Подсчеты по гарнизонным войскам в этом отношении не производились. Скорость чинопроизводства в гарнизонах, куда большинство подателей сказок попадали после ранений или в результате расформирования их частей, была более низкой, чем в полевой армии.

¹⁵ Полевая армия. С. 602, 715, 1265, 2146 и др.

¹⁶ Гарнизонные войска. С. 996, 810; Полевая армия. С. 437

¹⁷ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 188.

¹⁸ Полевая армия. С. 2092–2093.

¹⁹ Там же. С. 609, 2149.

²⁰ Там же. С. 1240.

²¹ Там же. С. 196, 198, 258, 262, 292, 298, 326, 329, 479, 485, 517, 531, 606, 612, 796, 801, 1215, 1232, 1325, 1341, 1465, 1466, 1599, 1610, 1612, 1614; 1682, 1683, 2170, 2177, 2188, 2175, 2178, 2253, 2256 и др.

²² Полевая армия. С. 126.

²³ Дадыкина М.М., Базарова Т.А. Письма русских солдат из-под Нарвы 1700 г. (По материалам Государственного архива в Стокгольме) // Меншиковские чтения – 2008: материалы чтений. СПб., 2008. Вып. 6. С. 118–119, 121.

²⁴ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015. С. 143.

²⁵ Там же. С. 281.

²⁶ Норов А.С. Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. По поводу сочинения Толстого «Война и мир». М., 1914. С. 42–58.

²⁷ Полевая армия. С. 220, 569, 2004 и др.; Гарнизонные войска. С. 474 и др.

²⁸ Дворяне Москвы... С. 281.